

A black and white photograph of a young man with dark, wavy hair, looking slightly to his right. He is wearing a dark, heavy parka with a fur-lined hood and white drawstrings. He is holding a single tulip flower in his left hand. The background is a simple interior with a wooden door and a wall with some peeling paint. A circular age rating logo is in the upper right corner.

12+

Ирина Курамшина
СЫНОВНИЙ ДОЛГ

Ирина Курамшина

СЫНОВНИЙ ДОЛГ.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29604192

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-2647-3

Аннотация

Сборник рассказов И. Курамшиной поражает читателя какой-то ненавязчивой привлекательностью: начав читать один из них, ощущаешь, что уже не можешь оторваться. Какой из рассказов ни возьми, он отличается не только актуальностью, но и свежестью поставленных автором проблем. Незамысловатые зарисовки из жизни, подсмотренные писателем, заставляют читателей, молодых людей от 15 до 20 лет, не только задуматься, но и сделать важные выводы о добре и зле, нравственном выборе человека, его назначении в жизни. Л.М. Бенделева – учитель России, «Почетный работник общего образования», обладатель президентского гранта в рамках нац. проекта «Образование».

Содержание

Сыновний долг	4
Эквивалент счастья	12
Драгоценная коллекция	19
Внешний вид	25
Остановка на Самотёке	30
Единственно верное решение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

СЫНОВНИЙ ДОЛГ

«Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела... Попрыгунья-стрекоза... Попрыгунья-стрекоза...»

Строчки из детского стихотворения прицепились намертво. Сотни стрекоз с прозрачными крылышками водили хороводы, прочно обосновавшись под черепной коробкой. Не давали думать. Ни о чем. Абсолютно ни о чем.

– Попрыгунья-стрекоза, попрыгунья-стрекоза... – ворчливо повторяла вслух Рэна в надежде, что прилипчивые рифмы отвяжутся. – Так обозвать свою мать! Совесть есть? – это уже громче. Почти истерично. В сторону комнаты сына.

Макс появился в дверном проеме, покрутил пальцем у виска и насмешливо уставился на родительницу. Насекомые наконец-то прощально помахали Рэне чудовищным веером, сложив все крылья в одно – огромное, внушительное, даже пугающее. Получилось, можно сказать, символично, и... «Остапа понесло»...

Остановиться на полном ходу Рэна не могла. Вернее, не умела. Или привыкла... Так было всегда. Почти ежедневно. Обычно после полуночи. Крик переходил в слезы, слезы – в рыдания, рыдания – в истерический смех. А потом – успокоительное, снотворное и кошмары в сновидениях.

Рэна кричала на сына, а тот молча жевал бутерброд и за-

пивал чаем. Равнодушно, отстраненно.

«Меня никто не понимает. И не воспринимает всерьез. Мне даже не к кому обратиться за помощью. У всех есть друзья. Родные. Сослуживцы, в конце концов. Они знают, что их выслушают. Помогут. Посоветуют. А мне? Куда мне? К кому?.. А надо ли? Все равно осталось не так много... Что, кто-то знает способ избавления от смертельного недуга? Или предложит воспользоваться волшебной палочкой?»

Истерики были частью ее жизни. Ее панцирем, скорлупкой. В них она преуспела, как ни в чем другом. Сделать из мухи слона? Да раз плюнуть! Приврать, чтоб сказку сделать былью? Как дважды два! Рэна с детства усвоила, что сопротивление в одной упряжке с нападением рано или поздно приведут к нужному результату. Первая нападала и всегда поступала, как считала нужным только сама. Чужое мнение не уважала, никогда с ним не считалась. Когда Рэне исполнилось четырнадцать лет, она ушла из дома и в первую очередь избавилась от ненавистного имени Раиса, превратившись в Рэну. В знак протеста. И для самоутверждения. Прибилась к хиппи, кочевала из города в город, носила цветные лохмотья, курила «травку» и неделями не мыла голову. Потом появился Вадик, пытавшийся ее перевоспитать. Рэна снова сопротивлялась. Результатом стало судьбоносное решение о рождении ребенка, а Вадик исчез из ее жизни в тот день, когда родился Макс.

Пришлось на какое-то время превратиться в рядовую

мать-одиночку и даже устроиться на работу. В борьбе за выживание, уже вдвоем с ребенком, Рэна обнаружила некоторые плюсы. Во-первых, ее жалели окружающие. Несовершеннолетняя девчонка. Сирота (так она представлялась новым знакомым). Как же не посочувствовать? Не прилагая особых усилий, молодая мамаша получала многие блага совершенно бесплатно. Смазливая внешность, коммуникабельность, живой язык, умело используемая интуиция открывали перед ней самые неподатливые двери. А во-вторых, отсутствие средств мобилизовало все до сих пор дремавшие таланты девушки. Дар повелевать мужчинами был основным. Вот в этой области Рэна и решила преуспеть, листая популярные женские журналы во время прогулок с сыном.

– Жить, как миллионы российских затюканных теток? Стать одной из них? Откладывать на боках жировые прослойки про запас? Толкаться в очередях? Ездить на городском транспорте в толчее среди потных тел? Ни за что! – частенько упражнялась Рэна в аутотренинге перед зеркалом. Подруг у нее не было, и заводить их она не собиралась – конкурентки...

– Я умная, успешная, привлекательная. У меня море поклонников. Мне каждый день дарят роскошные букеты, я одеваюсь в самых дорогих заграничных бутиках, я отдыхаю на самых престижных курортах мира. Все без исключения мужчины боготворят меня.

Говорят, что если чего-то очень хочется, то оно обязатель-

но сбудется.

Так и Рэна. Хотела и получила. С маленькими оговорками. «Принца» она таки повстречала, но не на фешенебельном курорте, а в интуристовской гостинице, где изредка подрабатывала путаной. На дворец «принц» не раскошелился и виллу на побережье не подарил, но небольшую квартирку в центре столицы оформил на Рэну – самому в дальнейшем на гостиницы тратиться не надо будет, да и подружку таким подарком можно привязать надолго. Иностраный друг навещал Рэну регулярно, делал подарки, пусть не самые дорогие, но зато все сплошь заграничные, – на зависть соседям. Макс был пристроен предприимчивым приятелем в круглосуточный интернат при дипкорпусе и не доставлял ощутимых хлопот. Рэна разбаловалась: стала часто бывать за границей, любила ленивый отдых в уютных отелях с посещением преимущественно нудистских пляжей. Привыкла к СПА-процедурам, регулярным походам в спортивные клубы да по салонам красоты. И сейчас, в свои пятьдесят с хвостиком, она выглядела потрясающе молодо и элегантно. Даже синева под глазами не портила холеное лицо Рэны. И никто не мог дать ей больше сорока лет.

Вот только готовить, стирать, убирать, вести хозяйство, экономно расходовать средства Рэна так и не научилась, а заполнение квитанции по оплате электроэнергии вводило женщину в длительный ступор.

«Попрыгунья-стрекоза... Допрыгалась. Принц состарился. С довольствия снял. От кормушки отлучил. Теперь на молоденьких заглядывается. Мной брезгует. Бегает по барам чуть ли не со школьницами. Можно подумать, старость они ему отсрочат. Как же! Держи карман шире.

А сынок правильно делает. Все верно. Какая я была мать? Никудышная. Ехидна. Кукушка. Кому могла – подбрасывала. Сколько он меня видел-то в своем безрадостном детстве? Десять лет провел в интернате.словно в тюрьме. Срок отбыл. Иногда ленилась по выходным забирать его домой. Все выдумывала уважительные причины для директрисы. За что Максу меня любить? За тряпки, что Майкл привозил? Да он равнодушен к шмоткам. Годами в одной куртке ходит. И ненавидит меня. Действительно – правильно делает. Пусть ненавидит. И презирает пусть. Только бы из дома не выгнал. И дал умереть в своей постели. Диализ уже не помогает... Донора нет... И денег нет на покупку очереди поближе. Майкл, сволочь, полгода не появляется. Ведь единственный знает, что меня ждет!.. Но помогать не желает. Тридцать лет ему верой и правдой отслужила. Половой тряпкой... Да вот износилась. Теперь проще выбросить, чем подлатать. Трус! Жалкий трус. Ну и пусть катится к чертям! В свою за границу. А я назло ему вот как возьму – и проживу остаток жизни по-новому. Прямо сейчас и начну... новую ее...»

– Мать, ты, это... не злись...

Максим подошел и положил руку на плечо Рэны.

– Я твою медицинскую карту нашел. Случайно. Знаешь, мам, все будет хорошо. Я уже сходил в твой центр и обо всем договорился.

– О чем договорился?

– Об операции...

– Не понимаю... И карта... Ты не мог случайно. Она заперта в столе. Ты сломал замок? – Рэна в недоумении посмотрела на сына.

– Ну да. Извини. Это только для твоей же пользы.

– Пользы? – Рэна было взвизгнула по инерции, но тут же спохватилась, вспомнив про новую жизнь.

«Происходит что-то несурзное. Зачем Макс рылся в моем столе? Почему? Для чего? Он так никогда не делал. Он вообще правильный ребенок в отличие от своей непутевой матери. Об операции говорит. Не может быть. Моя очередь подойдет только через год, а может, и больше».

– Макс, объясни толком. Откуда возьмется почка? Ты ее купил? На что? На какие средства?

– Да нет же, нет.

– Что тогда? Очередь купил? Или все, кто передо мной, умерли разом? – недоумевала Рэна.

– Ма-ма! Успокойся. Сядь. Вот, воды выпей.

Он подал стакан с минералкой и отвернулся к окну, прислушиваясь, как мать жадно, большими глотками, пьет воду.

– Донором выступлю я! – жестко, тоном, не терпящим возражений, произнес Макс.

У Рэны неестественно округлились глаза, она попыталась что-то сказать, но только по-рыбьи открывала рот, не произнося ни звука. Мать понимала, что решение, принятое сыном, – слишком большая жертва, принимать которую она не должна. Рэна разнервничалась, руки не слушались, жили какой-то своей, отдельной жизнью, и еще невыносимо зануло слева. Она попыталась возразить, но сын продолжил все тем же строгим голосом:

– У нас с тобой одна группа крови. Мы близкие родственники. Ближе некуда. Ведь так?

Мать непроизвольно кивнула, получилось испуганно. И вообще, она чувствовала себя маленькой девочкой перед своим вмиг ставшим каким-то чужим и слишком взрослым сыном.

– Вот и хорошо. Раз близкие – моя почка тебе подойдет. И приживется лучше, чем чья-либо.

Хоть Максим и хорохорился, но прилипшие ко лбу волосы говорили о многом. Страх, который никуда не делся после информации, полученной из медицинской карты матери, прочно обосновался в душе, уступив, однако, дорогу любви и благородству. И перебороть этот страх у Максима не хватало сил. Но он сумел совладать с собой и уже мягко добавил, глядя на всхлипывающую мать:

– Да не реви, дурная. Ничего сверхъестественного я и не делаю. Это мой долг. Понимаешь?

Рэна мотала головой: «Нет, нет и еще раз нет. Не пони-

маю. Такого не может быть. Он же ненавидит меня. Нет, нет. Это не со мной происходит...»

– А, ну и не понимай, – Максим махнул рукой и поспешил из комнаты, чтобы самому не разреветься, потому что предательский комок в горле поднимался все выше и выше.

– Я пошел смотреть телик. Там футбол, – буркнул он в дверях и неожиданно для самого себя послал ошеломленной известию Рэне воздушный поцелуй. – Я хочу, чтобы ты понянчила своих внуков.

Эквивалент счастья

– Пап, ты ведь от своих слов не откажешься? Нет? – Димка пытливо заглядывал отцу в глаза, а тот стыдливо отводил их в сторону, прикрываясь «Советским спортом». – Я правда могу любое желание загадать? В самом деле? Любое-любое?

«Угораздило же меня ляпнуть... Сейчас точно – начнет собаку просить. Ну кто, кто меня за язык-то тянул. «Семен Семеныч!» Эх...»

Егор стоически молчал в надежде, что сыну надоест игра в безответные вопросы и он перекинется на мать, но Димка был сегодня прилипчивее банного листа. Пришлось отложить газету и включиться в разговор:

– Да, любое. В принципе, мы с мамой готовы к любым... неожиданностям.

– Ур-ра-а-а-а! – Димка победно сделал боксерский хук в воздух и, продолжая возбужденно горланить, начал носиться по комнате. – У меня будет собака! Самая настоящая собака! Мой друг! Я буду гулять с ним, и кормить его стану, и ухаживать за ним. И он будет самый красивый, и самый умный, и самый лучший на свете. Правда, пап?

«А куда мы денемся? – Егор утвердительно кивнул головой. – Знал бы ты, сколько пришлось уламывать мать...»

На Димкины вопли из кабинета прибежала встревоженная супруга, а со стороны кухни появилась испуганная дом-

работница Наташа.

Егор подмигнул жене, кивнул Наташе и веско, как он умел это делать на совещаниях, произнес:

– Итак, Дмитрий изложит нам свое желание, и мы сообща должны принять окончательное решение по его выполнению.

Он подождал, пока женщины усядутся, и обратился к сыну:

– Ну, давай говори.

Но Димка неожиданно сорвался с места и со словами «я сейчас» выбежал из комнаты.

«Куда это он?» – удивленно спросил глазами супругу Егор, на что Лиза молча пожала плечами.

– За каталогом он побежал, – подала голос Наташа, – в котором все породы собак.

– О боже... – застонала Лиза, – это все-таки свершилось... Собака, лужи, обгрызенная мебель, растерзанная обувь, бессонные ночи... О боже...

– Успокойся, мы же уже говорили с тобой. Каждый нормальный ребенок в детстве мечтал о собаке, и...

– Ты тоже? – ехидно перебила супруга.

– Я? – Егор растерялся. Положа руку на сердце, он и сам хотел лохматого друга, еще с детства. Но вслух приходилось озвучивать совсем другое: Лиза еще во время медового месяца обмолвилась, что очень боится собак.

– Да, да. Именно ты. Я-то, видимо, ненормальная... А ты?

Ты мечтал?.. – жена теперь стояла напротив и смотрела прямо в глаза.

Егору очень хотелось откровенно рассказать Лизе о своих переживаниях, но он боялся ее обидеть. Хотелось поделиться воспоминанием о том, как он со своим отцом ежедневно ходил подкармливать бродячих собак на пустыре за домом, о том, как они строили будки для этих бездомных, лечили их, спасали от служб по отлову бродячих собак. У мамы была аллергия, и брать какое-либо животное в дом категорически воспрещалось. С одной стороны, Егор радовался, что сыну передалась любовь к животным, с другой – он понимал и супругу, хотя время от времени вопрос о домашнем питомце Лизе все же задавал: вдруг страхи улеглись?

Положение спас Димка, вернувшийся действительно с каталогом. Он раскрыл его на странице с закладкой и бережно положил отцу на колени. Лиза присела рядом с мужем, с другой стороны на диван примостилась домработница. Втроем они уткнулись в книгу, а Дима с видом победителя взирал на них.

Первым подал голос отец, оторвавшись от чтения и разглядывания фотографий:

– Тебе точно нравится эта порода, сынок?

Было заметно, что Егор нервничает, пальцы точно намертво прилипли к пуговице рубашки и крутили, крутили, крутили несчастную.

– Пап, тебе не нравятся ньюфаундленды? – спросил разо-

чарованный сын.

– Нравятся. Еще как нравятся. Но таких собак держат, как правило, в частных домах. Они не для городских квартир. Понимаешь, ньюфаундленды очень крупные, им надо много двигаться, как можно больше времени проводить на свежем воздухе. – Егор заметил благодарный взгляд Лизы и воодушевленно продолжил: – А кто будет гулять с ним? Ты? Да ты не удержишь такую махину, силенок не хватит. А если предположить, что выгул собаки происходит в нашем скверике, где гуляют еще и дети, то можно представить последствия... А мама? Ты о ней подумал?

– А что мама? Мама же согласилась, ты сам сказал.

– Я про другое. К такому выбору надо подходить ответственно. Заранее подумать о ситуациях, которые могут возникнуть. Например, ты заболел. Я на работе. А собаку нужно вывести на улицу. Кому это придется делать?

Димка как-то жалостливо посмотрел на мать.

– А! Дошло? То-то. Давайте выберем породу, которая устроит всех.

– Может, вот эту прелесть? – робко спросила Лиза, указывая на фотографию, с которой смотрело миленькое существо с красным бантиком и переливающейся на солнце шерстью.

Оба, и отец, и сын, скривились и дружно прыснули.

Весь вечер семья терзала каталог. Лиза пыталась заменить мечту то хомячком, то морской свинкой, даже на крысу отважилась, но мужчины ревностно отстаивали именно соба-

ку. А вот тут их мнения разошлись: Димке нравились крупные породы, отцу – средние.

– Ну, мальчики мои, давайте чихуахуа купим. И места много не занимает, и гулять с ней не обязательно...

– С ней? – хором спросили удивленные Егор с сыном. Таким образом, вопрос с полом решился окончательно.

– Все, думайте дальше сами. Я – пас, – смирилась Лиза и ушла в свою вотчину – кабинет.

Вдвоем мужчины смогли прийти к единому решению быстрее, и в итоге был выбран ирландский сеттер с редким для своей породы окрасом – «березка». Денег такой щенок стоил немалых, но черные вкрапления по серо-белой шерсти заворожили, и Егор с Димкой просто заболели именно этой породой.

Лиза для проформы поохала, но тоже согласилась:

– Когда-то надо начинать «не бояться собак».

Почти два месяца ушло на поиски редкого щенка, хорошего и надежного клуба, на изучение материалов по содержанию и воспитанию собаки. Наконец Егор нашел то, что надо: щенок удовлетворял всем предъявляемым требованиям. На субботу была назначена встреча с заводчиком и смотрины. Накануне вечером все долго обсуждали будущее нового члена семьи, и Дима так «наобсуждался», что утром Лиза еле растолкала сонного сына.

Питомник находился за городом, поэтому выехали рано. Лиза тоже собралась со своими мужчинами, – как-никак, ре-

шался важный для семьи вопрос, причем не на один день, а на долгие годы. Ехали молча, каждый ушел в свои мысли. Егор водил аккуратно, ездил без превышения скорости, поэтому сразу заметил у дороги нечто необычное. Он затормозил и выскочил из автомобиля. Жена с сыном без лишних разговоров последовали за ним.

На обочине лежала собака, совсем щенок.

– Дворняжка. Месяца два. Машина, наверно, сбила, – определил Егор и присел перед жертвой аварии. – Куда тебя понесло, дурачок? Что с тобой делать-то теперь?

Сидя на корточках, мужчина то запускал руку в шевелюру, то терзал подбородок.

– В ветеринарку надо везти, – твердо сказала Лиза. – Не оставлять же малыша здесь.

– Пап, а он ранен или убит насмерть? – Димка наклонился и погладил щенка.

Щенок от прикосновения Димкиной руки открыл глаза – бездонные колодцы изумления, внимательно оглядел людей и громко тявкнул. И в ту же секунду перестало иметь значение, каких кровей этот случайный пес, какой он породы, имеет ли родословную, прививки. Просто кто-то где-то в небесной канцелярии решил, что следует пересечь пути трех людей и маленького существа именно в этой точке вселенной, и пути пересеклись. В нужное время, в нужный час. Эквивалент счастья оказался равен одному «тяв-у».

Вот так Арчик стал полноправным членом человеческого

семейства, а семейство обрело преданного друга и защитника. Пес вырос, как и хотелось Димке, крупным и с виду свирепым и в то же время – добрейшим, ласковым и веселым, как хотелось Лизе.

Драгоценная коллекция

Время разбрасывать камни, и время собирать камни.

Экклезиаст

Свист, раздавшийся за спиной, заставил деда оглянуться. Для этого пришлось упереться в камень обеими руками и сильно напрячь икроножные мышцы. Сзади стояли трое пацанов лет четырнадцати и нагло улыбались.

– Дед, помочь? – спросил кудрявый юнец, что стоял справа. – А то еще надорвешься... Нас потом совесть замучает.

– Тимуровцы, что ли? – Старик прерывисто дышал, на костлявых руках пульсировали синие жилы, натянутые струнами.

– Нет, дед. Отстал ты от жизни. Тимуровцы – атавизм. Ты бы еще пионерами нас обозвал. Сейчас каждый свою команду собирает. И стратегия у всех разная, и цели тоже отличаются, да и возможности теперь другие...

Старик, охая, осторожно развернулся к мальчишкам, упираясь в валун радикулитной спиной, и с интересом стал прислушиваться к говорившему.

– Вот чего ты корячишься? Делать тебе больше нечего? А техника на что? Позвоним на фирму, пришлют какой-нибудь бульдозер или экскаватор.

– Нет, спасибо. Я как-нибудь сам, ребятки,– вежливо отказался старик, вытирая рукавом блестящий, в бисеринках пота лоб.

– Дед, зря отказываешься. Мы ж с тебя не собираемся денег за помощь брать. Мы ж от души.

Все трое одинаково лениво жевали жвачку, щурились на солнце и широко улыбались.

– Так я звоню?

Старик отрицательно покачал головой, медленно развернулся и снова стал толкать камень в гору. Мальчишка, который вел диалог, покрутил пальцем у виска и снова пристал с расспросами:

– Дед, а дед. Вот скажи, зачем тебе это надо? Вроде с виду не псих... А дурью маешься.

– Пришло время собирать камни... – туманно ответил старик.

– Так ты коллекционер? Камни собираешь? Драгоценные? И этот драгоценный? Да? – затараторил пацан, с любопытством поглядывая на камень, который дед упорно катил вверх по склону.

Товарищи кудрявого паренька тоже заинтересованно уставились на валун.

Старик рассмеялся, отчего его лицо покрылось сетью мелких морщинок:

– Этот? Да. Он, пожалуй, самый ценный в моей коллекции.

– А что, есть еще? – хором спросили трое подростков, и совсем не по-детски сверкнули их алчные взгляды.

– Полно, за всю жизнь столько скопилось... там, – неопределенно махнул рукой старик в сторону темнеющей верхушки горы, зачем-то перекрестился и продолжил свой путь.

Через некоторое время он обернулся, чтобы попрощаться, но увидел, как мальчишки лихорадочно тычут пальцами в кнопки мобильных телефонов и оживленно переговариваются, уже не обращая на него внимания. Старик только горестно вздохнул.

«...Взгляни, как злобно смотрит камень, в нем щели странно глубоки... – пробормотал он так не вяжущиеся с обстановкой, с самим его образом строки Николая Гумилева. – Эх... Как камни портят жизнь нормальным людям...»

Когда вершину удалось покорить, а валун был наконец-то доставлен по назначению, взору старика открылась нелицеприятная картина. По всей поляне, которую он облюбовал, на которой старательно выстраивал свою пирамиду, были разбросаны камни. Его камни, про каждый из которых старик мог бы рассказать много интересного. Они были частью его жизни, они жили вместе с ним, и умереть они должны были все вместе. Теперь камни в беспорядке валялись на холме, а вокруг суетились предприимчивые юнцы: били по валунам кувалдами, дробили отбойными молотками, пыхтели, ругались. Кудрявый заметил старика и подошел.

– Дед, здорово! Допер?

– Как видишь.

– Силен! Ты извини. Мы тут немного похозяйничали.

– Вижу. И как успехи? – Старика так и подмывало позло-
радоваться, но он сдержался – победа осталась за мудро-
стью.

– А ты нас не обманул? Камни действительно дорогие? –
нервно спросил кудрявый и сам же себе ответил: – Хотя...
Вряд ли нормальный человек стал бы так усиленно прятать
какую-нибудь ерунду. Кстати, дедуль, ты не ответил на мой
вопрос. Что в твоём самом драгоценном внутри?

– Тебе не понять, ты же только начал разбрасывать камни,
и урожая своего тебе ещё долго ждать, а я уже свой собрал...
– уклончиво ответил старик.

Мальчишка медленно начал покрываться красными пят-
нами, лицо перекосило недовольной гримасой – злость гото-
вилась выплеснуться наружу.

Старик предупредительно мягко, но очень весомо произ-
нес:

– Здесь у меня, сынок, любовь, – он ласково погладил шер-
шавую поверхность. – Разбросал я её в своё время по все-
му свету. Видишь, она стала серой, грязной, безжизненной
массой. Поэтому я её сюда и втащил. Тут – на горе – солнца
больше, света, воздух чище. Здесь всё моё собрано, – старик
обвел взглядом поляну, – всё, что терял когда-то, от чего от-
казывался по своей воле. Собрал и грехи свои, и неудачи.
Радости, печали, плохое и хорошее – всё, в одну большую

кучу...

– Постой, постой... – до юнца медленно доходил смысл сказанного. – То есть в камнях нет никаких бриллиантов или золота, они не имеют никакой ценности?

– Для тебя не имеют. Для меня – ценнее их ничего нет. Прими это по-философски спокойно и лучше возвращайся со своими друзьями домой. Когда-то и твое время придет – собирать камни... Меньше разбрасывай их сейчас, люби их...

Договорить старик не успел, потому что согнулся пополам, получив удар, ровнехонько в область солнечного сплетения, – собеседник бил уверенно: профессионально и метко.

– Я же говорил, что он псих, – удовлетворенно пояснил кудрявый друзьям. – Псих и есть.

А потом сплюнул и раздраженно добавил:

– Только время потеряли.

Они уже почти ушли, старик слышал удаляющиеся шаги «тимуровцев», однако компания неожиданно вернулась.

– Знаешь, дед, мы тут посоветались и решили. Говоря твоим языком, пришло время поквитаться. Сейчас мы твою самую дорогую драгоценность скинем в воду – оттуда ты ее точно не достанешь. И тогда превратишься ты в вечного ныряльщика, и придется тебе, дедуль, камни не собирать, а доставать. И никакой блат не поможет. Если ты, конечно, не тот старче – дружбан золотой рыбки из сказочки. Вот такая

философия.

Втроем пацаны легко и практически без усилий покатали камень на противоположный край поляны, который кончался обрывом, нависающим над озером. Немного поглумились: один из мальчишек достал фломастер и крупными буквами написал на шероховатой поверхности валуна – «ЛЮБОВЬ ПСИХА». И уже после этого под дикие улюлюканья камень был сброшен вниз.

Старик сидел на грудке камней и с грустью смотрел на уходящих мальчишек. Он не переживал, так как знал и даже был уверен, что свои камни рано или поздно, но соберет в одну кучу. Но соберут ли в будущем свои камни ушедшие подростки? Этот вопрос не давал старику покоя, постепенно превращаясь в еще один теряющийся во времени валун...

Внешний вид

– Мать, опять ты свои дурацкие наряды надела? Полный шифоньер барахла, можно сказать, эксклюзивом полки забиты, а ты за свое тряпье по привычке хватаешься. Кто ж у тебя молоко купит, если ты на бомжиху похожа?

Матушка стояла перед Алиской и глупо ухмылялась, держа одной рукой на поводке любимую козу Фросю, а в другой – бидон с молоком. Фросе очень нравился ошейник, который ей нацепила хозяйка, – с весело звенящими колокольчиками и стразами, переливающимися на солнце. Фрося чувствовала свою привлекательность и, чтобы привлечь внимание Алиски или хозяйки, медленно мотала головой, отчего воздух сотрясался от мелодичного звона.

– А козу зачем с собой тащишь? – Алиска цыкнула на Фросю, и та покорно прилегла у ног матери, задрала морду и устремила преданный взгляд на хозяйку. – Козе покой нужен, недели две до отела осталось, а ты ее на дорогу... Эх, мама, мама!

Мать у Алиски чудная. Вот ведь несуразица: Алиска ей и вещи хорошие покупает, и свои отдает (а вещи, надо отметить, у Алиски только отличнейшего качества), а мать все равно в обносках ходит. Наденет латаные-перелатаные шаровары, все в цветных заплатках, кофту какую-нибудь линялую и растянутую в разные стороны, туфли растоптанные

обует – чисто побирушка. А венец экипировки – аляпистый красный платок, кокетливо обмотанный вокруг головы и завязанный узелком спереди на лбу с торчащими в разные стороны кончиками. Вылитая Горпина Дормидонтовна из кинофильма «Свадьба в Малиновке». А этот фильм у матери – один из любимых. Подражает, видимо, героиням.

Однажды именно в таком виде мать сидела у дороги, торговала козьим молоком да картошкой с солеными огурцами, что соседка подкинула. В деревне ведь как? Взаимовыручка между торговками существует: сегодня одна торгует, а вторая огороды свои возделывает или какими-то домашними делами занимается, завтра – наоборот. В тот день трудовую вахту несла как раз Алискина мать. День жаркий выдался, матушку сморило, она и не заметила, как заснула.

Проснулась мать оттого, что кто-то тряс ее за плечи. Она глаза открыла, ничего понять не может, от испуга из горла только нечленораздельное мычание вылетает. Над ней склонился мужчина: огромный, шея бычья, бицепсы под одеждой ходуном ходят, а из ворота рубашки у него золотая цепь в палец толщиной свесилась, с крестом, какие мать только у батюшки в церкви видела. Сам исполин что-то участливо говорит. Матушке спросонья он сначала ангелом показался, она, как замороженная, смотрела на крест.

– Глухая еще к тому же, – констатировал «ангел» и жалостливо погладил мать по голове, как маленького ребенка. – Держи, бабуся, купи себе жратвы на все.

С этими словами он сунул матери в руки какую-то бумажку и неспешно направился к своему автомобилю, прихватив одну из бутылок с молоком. Автомобиль, резко стартовав, умчался, и только тут мать обратила внимание на то, что сжимала в кулаке. Хрустящая, серо-зелененькая, мужчина лобастый с длинными волосами посредине, буквы иностранные, цифра 100... Мать таких денег отродясь не видела. Но поняла, что бумажка ценная. Свернула ее аккуратненько в четыре раза и поглубже за пазуху засунула.

Алиска долго смеялась, когда мать ей картинку с длинно-волосым показала:

– Да! Тебе уже милостыню подают... И не просто подают! Долларами!

Потому и сейчас ругалась, требовала одеться приличнее.

– Мам, как ты думаешь, почему у меня торговля бойчее идет? А? И продаю я дороже, а тебе все цены сбивают. Не знаешь? Так скажу.

Алиска сделала передышку и прекратила расхаживать по двору перед мамашей и козой.

– Главное в вашем торгашеском деле что?

Мать скосила глаза на бутылку, а дочь вдохновенно продолжила свою лекцию:

– Неправильный ответ! Внешний вид! – Она подняла вверх указательный палец. Мать с Фросей тут же уставились на него. – Как на дорогу выхожу я? В нарядном платье, в платочке белом и чистеньком, зонтик беру с собой, да не тот ды-

рявый, которым ты всех пугаешь, а свой – веселенький и яркий. И руки у меня чистые. Ты на свои посмотри: под ногтями грязь, а сами-то ногти – ужас! Уже начали заворачиваться в крючки. Подстричь! Срочно! И хламиду свою сними, и безобразие это шарообразное, и пестроту с головы убери.

Мать при каждом слове дочери хваталась попеременно то за кофточку, то за шаровары, а при упоминании головного убора заупрямилась:

– Ну уж нет! Святое не трогай. Как это я без платка? Непокрытая?! Мне вера не позволяет.

Мать двумя руками вцепилась в свой платок, испугавшись, что Алиска прямо сейчас начнет раздевать ее.

– А то я не знаю, – Алиса решила немного позлить мать. – Сама той же веры. Между прочим, мать, староверы предпочитают, в отличие от тебя, белые платки. Ничего. Повяжу тебе свой праздничный платочек, будешь у меня куколкой на дорожной панели. Еще и сутенеры в свою команду сватать станут. Так тебе что больше по душе: бомжихой жить или порхать бабочкой? Выбирай!

Мать с козой переглянулись. Конечно же, матери больше нравилась независимость и удобная одежда. А самая удобная одежда – шаровары да размахайка, пусть и выцветшая. Да и коза тоже ничего против шаровар не имела, она к своей хозяйке привыкла, в другом виде могла и не узнать. Ну, а как доченька разозлится да сократит денежное довольствие или вообще «родительский день» отменит? Мать молчаливо

посоветовалась с Фросей. Наверно, получила поддержку, так как, кряхтя да охая, пошла в дом переодеваться.

Спустя полчаса у обочины, рядом с которой расположилась Алискина мать, уже выстроился целый кортеж из дорогих автомобилей. И немудрено: кто ж проедет мимо статной пожилой женщины, разодетой под «светофор»? Если к светло-салатному брючному костюму и желтым сандалиям мать отнеслась безразлично, головной убор она отстаивала как львица. Сошлись на панамке в тон к костюму. Но, как пионеры в далеком прошлом срывали с шеи ненавистные галстуки, едва переступив родительский порог, так и Алискина мать, только дочь удалилась, вытащила свой выдавший виды головной убор и нацепила его вместо панамки.

Кто знает, по какой причине произошло чудо, но выручка от продажи молока у Алискиной матушки в тот день была в три раза выше обычного. Да и соседке повезло. Ее картошка с огурцами тоже ушли на ура. А мать подумала, подумала и теперь сама без лишних уговоров наряжается для выхода на обочину. Вошла во вкус.

Остановка на Самотёке

Даша вынырнула из утробы метрополитена. Автобус на противоположной стороне сквера набирал скорость, отъезжая от остановки.

«Ну вот. Теперь неизвестно, сколько ждать следующе-го...» – горестно вздохнула Дашка, подняла капюшон куртки и нехотя шагнула навстречу порывистому ветру.

Ноябрь в Москве, по обыкновению, неприветлив. А уж ноябрьская полночь – тем более.

Конечно, можно было бы взять такси и за пять минут домчаться до дома, да только в такое время по дневной таксе никто не повезет, а повышенная плата Дарье нынче не по карману. До зарплаты еще три дня, оставшиеся деньги отложены на продукты да на необходимые мелочи. Возможен и другой вариант, самый дешевый и неоднократно проверенный, – пойти пешком. Если бы не дождь, не противный, до костей пронизывающий ветер, Дашка так бы и поступила. А теперь же она прижалась щекой к ручке зонта, норвящего сорваться со спиц и упорхнуть вслед за летящим впереди полиэтиленовым пакетом, и обреченно засеменила к остановке. Но не к той, которая через дорогу, а на Самотёку, где оборудованы два современных павильончика для пассажиров. Крыша над головой в такую погоду просто необходима.

Пассажиры в количестве пяти человек теснились под од-

ним из стеклянных навесов. Остановка хорошо освещалась, и каждый человек был как на ладони.

«Сбились в кучу, словно воробыи, – подумала Даша, перебега наискось Садовое кольцо. – И правильно делают, вон как завывает ветрище». Она вторично нарушила правила дорожного движения, миновав последний рубеж на красный свет, и присоединилась к ожидающим пассажирам. Те что-то бурно обсуждали – волей-неволей пришлось прислушаться.

– Еще чего?! – громко возмущался пожилой лысый толстячок. – А на что милиция? Куда она смотрит?

– Вот именно, милиция! – вторила ему важная дама, разодетая не по погоде в каракулевую шубу и высокую старомодную шапку с торчащими соболиными хвостиками. – Это их работа. Я даже с места не сдвинусь.

Женщина в подтверждение своих слов демонстративно села на железную скамейку.

– И вообще, я автобус жду! – мужчина хотел произнести фразу категорично и зло, но получилось совсем по-детски.

Его капризно оттопыренная губа рассмешила Дашу, и она невольно спросила:

– А что случилось-то?

Толстяк недовольно покосился на нее и процедил сквозь зубы, мотнув головой направо:

– Там валяется пьяный бомж, а этот придурок, – он ткнул пальцем в спину обладателя пуховика ядовито-красного цвета, – говорит, что умирает.

Парень в пуховике обернулся, но не отреагировал на фразу в свой адрес, а сразу посмотрел на Дашу – дерзко и вызывающе. Окинул цепким взглядом сверху донизу, хотел что-то сказать, да, видимо, передумал. Лишь криво усмехнулся и снова уткнулся в мутное стекло павильона.

Женщина проследила за взглядом парня, увидела, что на скамейке под соседним навесом лежит человек, и, ни секунды не раздумывая, шагнула под дождь. Шагнула, потому что по-другому поступить не могла. «Беду надо предотвращать» – это Даша усвоила еще в детстве. Так всегда говорила ее мать, этого правила придерживался покойный отец, этому следовала всю свою жизнь она сама.

Мужчина лежал с широко открытыми глазами и не мигая смотрел в темное небо. В том, что это бомж, Даша нисколько не сомневалась. Она на своем веку повидала немало бродяг, ей было достаточно беглого взгляда, чтобы определить – перед ней именно бомж. Несмотря на то, что он был опрятно одет, не издавал отвратительного запаха и никаких громоздких котомок – вечного атрибута попрошаек – поблизости не наблюдалось. Выдавали руки: красные, обветренные, все в цыпках и коростах, с тугими узлами на сгибах, с грязью под давно не стриженными ногтями. Выдавали жиденькие, засаленные седины, торчащие из-под вязаной шапочки, нелепой и неестественной в своей белизне посреди ночной ноябрьской сырости. А вот пальто у бомжа было щегольское: кашемир еще не утратил лоск, не наблюдалось потертостей и дыр,

пуговицы были в наличии.

– Ни фиги себе! Вот это штиблеты! Типа «Гуччи» какие-нибудь. Хорошо живут современные бродяжки, – раздалось сзади.

Даша вздрогнула, но не стала оборачиваться, склонилась над вытянувшимся в струнку мужчиной и тихо спросила:

– Вам плохо? Я могу чем-то помочь?

Дед (на взгляд ему было не менее семидесяти) оторвался от созерцания неба и сфокусировал взгляд на Даше.

– Нет, уже не плохо, – бомж вымученно улыбнулся.

– Скорую вызвать? Или отвезти вас домой? Где вы живете? Поблизости? Нет?

– Лучше милицию вызывай, – перебил Дашку неугомонный толстяк с остановки. – Пьяный он. Не видишь, что ли?

– Шли бы вы, папаша, под соседний зонтик. Я сама разберусь, – грубо осадила его Даша и подтолкнула к выходу.

Толстяк замахал руками, злобно выругался, но вступать в дальнейший спор не решился и чересчур резво юркнул в соседний павильончик.

Она вернулась к старику и увидела, что тот хватается ртом воздух, неестественно выгнувшись всем корпусом.

– Господи, да что же это такое?! – запричитала Даша. – Дед! Ты не помирай только. Ладно? Я сейчас вызову врачей. Ты подожди... Подожди...

Она стала лихорадочно рыться в сумке. Мобильный телефон, как назло, затерялся где-то в недрах необъятной торбы.

– Вот, возьмите мой, – молодой человек в красном пуховике протянул ей свой телефон, стараясь не смотреть в сторону старика. – Звоните сколько хотите. Только извините, я не переносу вида умирающих. Я отойду. Ладно? Объяснить сложно. Поверьте, на то есть причины. Я лучше в стороне постою.

– Как кстати, у меня батарейка разряжена. Спасибо, – Дашка благодарно кивнула парню, отдала тому свой зонт и набрала «03».

Неотложка ответила сразу. Но как только диспетчер узнала, что вызов требуется на улицу, почему-то стала выяснять Дашины паспортные данные.

– Да не все ли равно, кто я? Медицинская помощь-то нужна не мне, а человеку, которому плохо... Никто я ему, никто! Понимаете?.. Откуда мне знать! Я случайный человек... Он задыхается, а вы допрос устроили?.. Бомж, не бомж! При чем здесь социальный статус?!

Хозяин телефона стоял неподалеку, сочувственно вздыхал и после очередного восклицания порывался взять у Даши трубку. Но она лишь отмахивалась и продолжала разговор.

– То есть если бомж, то вы вызов не примете? Я правильно поняла?

С каждой произнесенной фразой Дашка распалялась все больше и на очередной вопрос дотошного диспетчера почти закричала:

– Автобус я жду! Это не возбраняется?! Или по вашим понятиям в полночь на остановке женщине находиться аморально? Я не грублю! Грубите вы! И клятву Гиппократу нарушаете вы, а не я!

Она прикрыла трубку рукой и прошептала молодому человеку:

– Они отказываются ехать. Что делать?

– Давайте я попробую.

Он взял телефон и очень медленно и внушительно, почти по слогам произнес:

– Скорая? Назовите ваше имя, фамилию и номер. Вот и хорошо. А теперь будьте добры, примите срочный вызов.

– Спасибо вам, – улыбнулась Дашка, когда молодой человек под ее руководством продиктовал диспетчеру координаты расположения остановки, а также Дашину фамилию и номер ее телефона. – Вы идите. Я теперь одна справлюсь. И скорую дождусь.

Она повернулась к старику. Тот уже не задыхался, лежал спокойно и по-прежнему смотрел в небо. Только теперь он улыбался. Даше показалось, что с улыбкой у деда разгладись морщинки, он стал моложе лет на десять. Это обрадовало и вселило надежду, что до приезда врачей с бомжом ничего страшного не случится.

– Дочка, – вдруг хриповато произнес дед и пристально посмотрел на Дашу. – Ты иди домой. Замерзнешь ведь.

От взгляда старика по телу пробежали мурашки.

– И не подумаю! Вот дождемся врачей, вас заберут в больницу, тогда и домой можно. Автобуса все равно ведь нет. Я никуда не тороплюсь.

Дашка старалась говорить весело, а сама чуть не ревела. Бывает так: посмотришь человеку в глаза и увидишь его будущее. Предчувствие беды всегда явственнее счастья. Точно душа подает миру сигналы SOS. Передает просьбу о помощи, надеется, просит сострадания и милосердия. Хорошо, если находит...

– Упрямая ты, дочка. Только зря медиков побеспокоила. Я ведь знаю, что умираю. И уже ничем не поможешь. Ни ты, ни врачи. Мне давно пора убраться, а смертушка все никак не заберет к себе. А теперь уж время пришло...

– Глупости все это, не умрете вы. Только бы скорая приехала вовремя...

Дашино сердце разрывалось от жалости к деду. Чтобы не показывать свое волнение и вновь брызнувшие слезы, она отвернулась к дороге, вроде как высматривая машину с красным крестом.

– Что-то их нет... Обычно быстро приезжают.

– Ты не плачь, дочка. Что тебе старый, больной бомж? Ты так похожа на мою матушку. Она была такая же ненормальная, всех жалела, со всеми носилась... У тебя дома полно животных? Угадал... Подбираешь на улице кошек и собак... Вот и мама моя тоже всех подбирала. Царствие ей небесное. Скоро увижусь с ней.

Дашка опять разревелась. Старик оказался прав: в доме у нее постоянно менялись дворняжки да котята, которых она вечно пристраивала по знакомым. И к бомжам у нее было свое, особое отношение – к таким вот, как этот умирающий дед, не потерявшим человеческого облика и достоинства.

Старик хотел сказать что-то еще, но по его телу прошла судорога. Широко открытые глаза уставились на Дашу. Ужас? Мольба о помощи? Что? Что?

Дашку затрясло от страха. Со смертью, вот так – один на один! – она столкнулась впервые. Надо было что-то решать, что-то делать до приезда неотложки. Она начала метаться: то подкладывала деду под голову свою сумку, то застегивала ему ворот пальто, то просто гладила стариковскую руку. Приговаривала, постоянно приговаривала, подбадривая не столько умирающего, сколько себя:

– Еще чуть-чуть. Потерпи. Пожалуйста. Они приедут. Уже скоро.

Медицинская служба не торопилась... Зато пришел автобус. Подбежал попрощаться и еще раз извинился парень в красном пуховике. Брезгливо поморщились из автобуса толстяк и дама. Безразлично таращились остальные пассажиры...

– Да где же эта нескорая помощь-то...

– Бог с ней, – вдруг ясно и четко произнес дед. – Уже поздно.

– Не поздно, они... – начала оправдываться Даша.

– Подожди, дай сказать... последнее слово... Ты хорошая... Сердобольная... Это хорошо, что я умираю не в одиночестве... Не страшно теперь... умирать. Спасибо, дочка. Спасибо за все. Не гнушайся, вот – возьми на память...

Он протянул дрожащую руку, и она плетью упала вниз. Дашка еле успела подставить ладонь, в которую упал затертый пятак.

«1961 год», – машинально отметила Даша. Страх улетучился. Ноги стали ватными, закружилась голова...

Кто ж ты, чужой человек? Откуда ты? Почему пустил свою жизнь на самотёк?..

Прости, дед... прости нас...

Через несколько минут издевательски завизжала сирена скорой помощи.

Единственно верное решение

«Аппетит приходит во время еды»

Дверь предательски громко хлопнула. Возможно, причиной тому был сквозняк, но до слуха Валерия Сергеевича донесся недовольный крик тещи.

«Теперь долго не успокоится. Все, села на любимого конька, понеслась...»

Он шумно вздохнул и нажал кнопку лифта.

Валерий Сергеевич не то чтобы не любил мать своей жены. За долгие годы совместного проживания в одной квартире, регулярно сталкиваясь в пространстве, ограниченном квадратными метрами, он к теще привык, как привыкают к любому неодушевленному предмету. Софья Яковлевна напоминала зятю тапочки – старые, поношенные, но родные, которые носить уже невозможно, а выкинуть жалко. Как тапочки, десятки раз штопанные-перештопанные, клеенные-переклеенные, так и тещино лицо было одним сплошным косметическим швом. Кожа от многократных операций давно истончилась, превратившись в прозрачно-розовый пергамент, а постоянные диеты сморщили ее так, что не помогали даже килограммы косметики. Софья Яковлевна изводила на себя уйму времени, регулярно бегала на какие-то тайные процедуры и мечтала вновь выйти замуж. Однако процесс омоло-

жения лишь ускорял старение.

«Карга старая! Сморчок перезрелый! Да как она смеет меня учить? Мужа своего запилила до преждевременной смерти, теперь за меня решила взяться? Не выйдет! Я живым не дамся».

Валерий Сергеевич вышел из подъезда и остановился в нерешительности. Целей у него никаких не было. Хотелось в одиночестве покопаться в собственной душе, переставляя с чашки на чашку гири на несправедливых жизненных весах, – да просто сбежать из квартиры, где третью неделю царило уныние, изредка разбавляемое истериками Софьи Яковлевны.

«Хоть присмирела немного, тише стала. Уже не орет, как бывало: «Гений с дырой в кармане». С Игорьком стала много времени проводить – из больницы практически не вылезает. Раньше-то, до болезни внука, о нем и не вспоминала, только о себе пеклась. Да и Тоню теперь меньше дергает. Бедная моя Тонька: я еще тот подарок, а теперь – с Игорьком беда...»

С воспоминанием о жене и сыне лоб Валерия Сергеевича превратился в проселочную дорогу с глубокими бороздами.

«И почему именно с нашим сыном? Рос вполне здоровым ребенком, ну если только капельку, совсем чуть-чуть отставал в развитии от сверстников. Кто мог предположить, что у него разовьется опухоль, да еще разрастется до таких размеров... Четверть мозга... Боже! Боже! Спаси моего сына».

Страх возможной смерти ребенка преследовал теперь

всюду, избавиться от него было невозможно.

«Ничего плохого не случится. Игорек поправится. Господи, ну откуда взялась эта опухоль? Почему раньше не проявила себя, когда была небольшой, когда было больше шансов и надежд?»

Припадок у Игоря случился, когда дома они были только вдвоем. Ни супруги, ни тещи... Тот день не стереть из памяти. Валерий Сергеевич постоянно возвращается к печальным событиям: вот сын зашел на кухню, что-то спросил и вдруг неожиданно начал медленно падать на кафельный пол, – казалось, что он затеял какую-то шутиливую игру. А потом левая нога Игорька подвернулась, совершенно неестественно, почти параллельно туловищу, которое выгнулось напряженной дугой, обнажив тоненькую детскую шею. Хорошо, что сработал подсознательный рефлекс, заставивший Валерия Сергеевича схватить нож и разжать сыну словно сцементированные зубы. Врачи неотложки потом хвалили расторопность родителя. А до их приезда, до прихода Тони и Софьи Яковлевны отец ползал вокруг сына, завывая от своей беспомощности, боясь покинуть ребенка даже на секунду. Как только Игорек немного расслабился, Валерий Сергеевич волоком, очень аккуратно перетащил его из кухни в комнату на ковер, укрыл пледом, позвонил в скорую, жене, теще...

– Сочувствую, но, похоже, вам нужно искать хорошего нейрохирурга, – сказал на прощанье доктор неотложки. – Ле-

карство, которое я ввел, будет действовать почти всю ночь, мальчик должен выспаться. Запас прочности в организме у пацана имеется. Не дайте растерять его.

Затем была ночь у постели сына с жалящим роем безответных вопросов и слезы супруги, разом постаревшей на пару десятков лет. Они оба так и не легли спать, а утром повезли Игоря на томографию. Результаты обследования повергли в шок даже врача, который все же терпеливо разъяснил родителям природу затемнения на снимках и подсказал, куда следует обращаться в первую очередь.

Валерий Сергеевич добрел до парка, побродил немного среди деревьев, ожесточенно пиная изредка попадающиеся среди травы пивные банки, затем нашел на одной из аллей свободную, отливающую глянцем скамейку, на которой и примостился, утонув в тягостных раздумьях.

– Вы, надеюсь, понимаете, что, если бы уважаемый господин Штульман не замолвил за вас словечко, вряд ли вы попали бы к нам, а тем более в штат. У нас авторы в очередь стоят, и заметьте – годами! Присаживайтесь. Обсудим дальнейшие перспективы взаимного сотрудничества.

Главный редактор престижного журнала своего отношения к новому сотруднику не скрывал. Открыто насмехаясь над Валерием Сергеевичем, он преследовал одну цель – вывести того из терпения и заставить принять предлагаемые условия, а в том, что примет, ушлый в таких делах руководитель не сомневался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.